

УЛЬЯНА ГРИНЬ

МАРИНКА,
ХОЗЯЙКА КОРЧМЫ

Ульяна Гринь

Маринка, хозяйка корчмы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69166024

SelfPub; 2023

Аннотация

Попаданки долго не живут. Настоящие попаданки в настоящий другой мир, неприветливый и суровый. Только если повезёт. Но разве можно назвать везением тяжёлую работу служанкой? Я, конечно, не белоручка, однако стирать бельё в реке и топить печь никогда не умела. Да и языка не понимаю! А этот мир подкидывает мне одни сюрпризы. Вызов бросает! Что ж, принимаю, даже если ошибаюсь и падаю. И влюбляюсь против воли. Да в кого?! В бирюка, который меня и за женщину-то не считает! Ну и пусть. Есть на свете существо, ради которого можно всё вытерпеть и всё вынести. Попаданки не сдаются!

Содержание

Глава 1. Товарно-денежные отношения	4
Глава 2. Первые шаги	18
Глава 3. Страсти-мордасти	32
Глава 4. Уборка и обед	47
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ульяна Гринь

Маринка, хозяйка корчмы

Глава 1. Товарно-денежные отношения

Первым, кого я увидела в этом странном мире, оказался мужчина весьма примечательной наружности.

Был он высок, широк, бородат и говорил на незнакомом языке. А ещё – мне так показалось – сердился. Хотя почему именно на меня, я не понимала. В чём я-то виновата?

Ни в чём. Так ему и ответила, глядя прямо в его глубоко посаженные чёрные глаза. А он только отмахнулся и пробурчал:

– А, гярд парсын!

– Я не понимаю! – сказала ему гордо. Он закатил глаза и, схватив меня за плечо, подтолкнул к повозке. Я хотела отпихнуть его руку, потому что боль пронзила тело, но сил не осталось. Пришлось подчиниться. Да и в любом месте будет лучше, чем в этом сыром от дождя и холодном от ветров лесу.

В повозке, сколоченной из грубых не ошкуренных досок, я сразу поймала занозу в палец. Застопорившись, попыта-

лась вынуть её, но мужчина нагло шлёпнул меня пониже спины, придав ускорения, и я свалилась лицом в вонючее, но мягкое и тёплое сено.

Мужчина бросил в меня плащом, который снял с плеч, и пошёл к лошади. Повозка качнулась под его тяжёлым телом, он причмокнул, щёлкнули поводья. Лес двинулся по обе стороны от меня, и я зарылась поглубже в сено, накрывшись плащом. Ох, с этой сыростью я точно заработаю пневмонию...

Рука наткнулась на тугой свёрток. Я зашарила ладонью, чтобы отыскать, как его развязать, но свёрток неожиданно раскрылся сам собой, и на меня глянули два больших блестящих глаза.

– Ах ты ж! – громко вскрикнула я от неожиданности, и обладатель глаз шарахнулся в сторону. Но я разглядела маленькое худенькое личико в грязных разводах, курносый носик и крепко сжатый ротик. Спросила уже шёпотом: – Как тебя зовут?

Она не поняла, хлопая ресницами. Я покрутила головой, досадуя на свою тупость. Ну конечно, она не говорит на моём языке...

Протянув к ней руки, я невольно вспомнила Ташу. Моей девочке сейчас исполнилось бы четыре годика... Нет, нет, не хочу думать об этом, хочу забыть! Но этой малышке явно было холодно, даже закутанной в вязаную шаль, и я решительно подвинулась ближе, посадила её себе под бок и обняла.

Девочка сжалась, как цыплёнок под квочкой. Какая кроха! Что она делает тут, в телеге? Кто она этому грозному мужчине, и где её мать?

Телега мерно покачивалась из стороны в сторону на ямках и неровностях дороги, и меня стало клонить в сон. Клевать носом было неудобно, и я прилегла в сено, удобно устроив ребёнка в изгиб руки. Будем греть друг друга, раз уж оказались вместе в это время и в этом месте.

А куда я попала, подумаю потом.

– Марина! Мар! Ты спишь? Открой дверь, Мар!

Так больно двигаться... Не хочу никого видеть. Не открою. Меня нет. Я умерла. Я останусь лежать здесь, в моей кровати, где спала вместе с мужем, который ушёл от меня, куда моя Таша прибежала по утрам и заползала под одеяло, стараясь не разбудить... Я просто комок тоски и одиночества.

Моей семьи больше нет, и всё остальное уже не важно.

Кто бы ни звонил в дверь, ни стучал, ни звал.

Повозку тряхнуло, и я проснулась. Ощущение острой боли в том месте, где, как говорят, находится душа, заставило застонать. Но тёплая девочка зашевелилась у груди, и я тихо позвала:

– Таша...

Сильная рука схватила меня за ногу и потянула:

– Тарай!

– Что?

– Тарай, парсын-ба!

Это что значит? Вылезай, что ли?

Ну, я вылезла. Снова в холод, в промозглый ветер, в ночь. Но девочка осталась со мной, и мужчина гаркнул на меня что-то непонятное и очень страшное. Вырвал её из моих рук и снова посадил в повозку. Малышка, разбуженная, захныкала, но мужчина прикрикнул на неё, и она замолчала, сунув в рот край своей накидки. Вид этого запуганного существа, которому было так хорошо со мной, а теперь стало плохо, разозлил меня. Я набросилась на мужчину с кулаками, колотя в грудь:

– Ты, придурок, не ори на неё! Ей холодно и страшно, а ты зверь дикий, вот ты кто!

– О-о-о! – удивился такому повороту мужчина и схватил меня за запястья. Всё, как пришипленная бабочка, я больше не могла двигаться! Но вот рот мне заткнуть он не догадался, и я продолжила свой монолог:

– Это твоя дочь, да? Посмотри на неё, какая она маленькая и несчастная! Всё, что ей нужно, это немного тепла и внимания! А ты только кричишь на неё!

Он встряхнул меня, и я захлебнулась своим гневом. Чего я выпендриваюсь? Я же никто этой девочке... Но она напомнила мне Ташу! Свою дочь я не смогла спасти, быть может, мне удастся спасти чужую? Поэтому не отводила взгляд от тёмных злых глаз. Выдержу – победа моя, не выдержу, опущу взгляд – пропаду сама и девочку не спасу.

Он отвёл глаза в сторону первым и кивнул мне на дом, возле которого мы остановились. Прочитать вывеску я всё равно не смогла бы, но мне этот дом не понравился. Я помотала головой и кивнула на девочку. Мужчина отпустил мои руки, оглядел меня с ног до головы и скривился. Я нахмурилась и тоже осмотрела себя. Что ему не нравится?

Мои треники? Кроссовки, полностью промокшие и измазанные грязью? Мой плащик? Пояс я где-то посеяла, майка напиталась водой и липла к голой груди, показывая соски. Я запахла плащ и снова вскинула голову. Мужчина нахмурился, но, видимо, принял решение, потому что схватил меня за руку и потащил к дому. Я пыталась затормозить, крича что-то о его дочери, но он меня не слушал. Распахнул дверь и втолкнул меня внутрь.

Ох, мама дорогая, разве заслужила я, попав в этот мир, оказаться в публичном доме?

В зале, где мы находились, было несколько клиентов, а с ними девушки – помоложе, постарше, но в основном лет эдак тридцати. Выражения лиц у них были жеманные, одежда словно куплена в онлайн-магазине для интимных ролевых игр. А вот макияжа почти не было, отчего выглядели девицы довольно непривычно – как линялые золотые рыбки. Волосы сальные, распущенные по плечам, на головах у некоторых – кокетливые шляпки.

И обстановка этого провинциального кабаре была под стать. Облезающая кое-где позолота на подсвечниках, рас-

трескавшиеся половицы, прикрытые потёртыми коврами, фарфоровые статуэтки с отбитыми руками и носами – всё бросалось в глаза, как бы ни старались это спрятать. Мда, могло бы быть и пошикарнее...

Мужчина окликнул одну из женщин и поманил её рукой. Та подошла, глядя на меня оценивающе. Завязался разговор, смысл которого я поняла – мой спаситель торговался с моей будущей хозяйкой. Во сколько они оба меня оценили? Знай я язык и цену валюты... Однако кожаный кошель, перекочевавший из рук женщины в руки мужчины, показался мне увесистым. Ладно, похоже, я стою довольно дорого! Однако здесь не останусь. Сбегу.

Девочку только жалко...

Мужчина глянул на меня в последний раз и ушёл в ночь, не оглядываясь. Козёл! Я вздохнула, готовясь к предстоящему мне веселью. Нет, так нечестно! Я умерла в своём мире, но не для того же, чтобы тут стать проституткой!

Женщина бесцеремонно сорвала плащ с моих плеч и заговорила быстро, гортанно. Я поджала губы, глядя на неё с укором. Неужели этот козёл не сказал, что я не понимаю их языка? Женщина принялась махать на меня рукой, чтобы я, очевидно, поторопилась подняться наверх по лестнице. Я поднялась по скрипучим ступенькам, осматриваясь в поисках путей побега. Наверняка тут есть не только парадный вход, но и задний выход, через который можно будет легко просочиться наружу...

– Гас, гас, – нетерпеливо сказала женщина, указав мне на одну из дверей в коридорчике. – Паденг гас о фаллори!

– Я тебя не понимаю, – мстительно улыбнулась. – Ни единого словечка! Поэтому не тараторь, будь добра, мне в уши!

– А-а-а, таракенга идо гас! – она даже ногой топнула и втолкнула меня в крохотную комнатку, где стояла одна лишь кровать, а в стене были полки для свечей и одежды. Да тут только собаке можно жить, честное слово! Не развернуться вдвоём. Женщина бросила мне какие-то тряпки, ткнула в них пальцем, потом в меня и сказала:

– Фаллори! Идо!

– Дурацкий язык, прости господи, – вздохнула я. – Да поняла, поняла, мне надо переодеться.

Развернув тряпки, наморщила лоб. Это теперь моя униформа? Да ну, такое надевать – себя не уважать. Платьице короткое, юбочка присборенная, как у субретки в немецком порно, не хватает только вызывающих чулок и десятисантиметровых шпилек!

– Фаллори, идо! – повторила женщина и показала на дверь, пальцами изобразила идущие ноги: – Гастар идо!

– Окей, – как debilке, ответила я ей, стаскивая плащ. Походу, выбора у меня нет, нужно натянуть этот позор и спуститься вниз, в зал.

В моей жизни уже были моменты, когда приходилось пожертвовать своей гордостью для общего дела или чтобы вытащить, например, мужа из щекотливой ситуации. Сейчас

речь шла о моей жизни. Этот мир оказался неприветлив. Демократией тут и не пахнет, человека можно купить и продать, раз плюнуть. Что ж, буду бороться за свои права и за свою свободу... Если выживу, будет, что рассказать... кому?

Напялив на себя дурацкую юбку, плюнула. Некому рассказывать. Муж от меня ушёл, сказал, что я его вгоняю в депрессию, что не могу справиться с собой, что он думал – я сильнее. А дочь... При мысли о Таше на глаза снова навернулись слёзы. Но я не вытирала их. Они доказательство того, что я жива.

Ещё жива.

Пока.

Лиф платьица оказался на бретелях. Носила я такие, только подлиннее и без нагло оголённой спины. Кое-как втиснувшись в узкую одежду, преодолевая естественную брезгливость, я сложила свои мокрые вещи в плащ и связала его края узлом. Мало ли, если бежать – так в нормальных вещах, а не в этом прости-господи.

– Гаста-а-ар! – раздалось из-за двери. Я закатила глаза. Нельзя же быть такой нетерпеливой!

– Выхожу! – гаркнула в ответ и толкнула дверь. Хозяйка кабаре критически оглядела меня, поцокала языком и указала на лестницу. Понятно, понятно. Иду вниз.

Но уже на лестнице мне стало не по себе. Что я здесь делаю? Что я делаю в этом месте? Разве такого я заслужила? Ведь всегда старалась жить правильно, никого не обижала,

а иногда даже боялась сказать слово «нет». Все знали, что можно обратиться ко мне с любой просьбой, и я помогу. Так почему я оказалась в этом жутком мире, в этом жутком месте? Я должна была попасть в рай...

В зале вовсю веселились девушки и мужчины. Алкоголь лился рекой и, походу, мимо кружек, потому что на полу были разлиты подозрительные лужи. Мимо меня со свистом пролетел подсвечник и упал на пол. Огонь от свечи почти подпалил ковёр, но хозяйка всего этого безобразия резво вылила на него воду из ведра, а потом раскричалась на метнувшего «снаряд». Чуть ли не пинками выгнала его с одной из девушек на лестницу, схватила меня за руку и толкнула к одному из мужчин, который покачивался с кружкой в руке, уже пьяный и с глазами в кучку.

Я была в ужасе, поэтому просто глупо улыбалась, а мужик вдруг наострил уши и подёргал носом так, что мне показалось – это свиное рыльце! Нет, быть такого не может! У меня глюки!

Но глюк вцепился в мою руку и притянул к себе. Отставив кружку, хрюкнул самым натуральным образом и схватил за филейную часть. Я возмутилась, пытаясь убрать его ладонь:

– С ума сошёл! А поухаживать за дамой? А налить ей для храбрости?

Но меня не слушали. Вторая рука шлёпнула меня по груди, и мужик довольно засмеялся, полез ко мне своим свиным рылом целоваться, и тут я не выдержала – отпихнула его изо

всех сил так, что он не удержался и свалился на пол.

В зале наступила тишина.

А я вдруг чётко осознала, что вот теперь-то у меня начнутся серьёзные проблемы.

Хозяйка взвизгнула:

– А-а-а, парсын игера акайу фа-а-а!

И бросилась с причитаниями к свинорылому клиенту. Я отступила к стене, готовясь обороняться до последнего, если нападут, но входная дверь с треском распахнулась. Все обернулись к вошедшему, а я с трепетом опознала в нём моего спасителя, который привёз меня сюда. Мужчина выглядел разъярённым и гаркнул хозяйке что-то резкое. Та ответила возмущённо и указала на поверженного мною клиента. Мужчина покрутил головой и снова рявкнул.

Я испугалась. Что он опять от меня хочет? Может, обвинит в краже? Хотя, что там красть в его бесценной телеге?!

С минуту мужчина и женщина препирались, и это снова было похоже на торг. Мою судьбу решали уже во второй раз за сегодняшний день без моего участия, а я могла только слушать идиотский язык, не понимая ни слова. Наконец хозяйка воздела руки к потолку и взвыла что-то похожее на ругательство. Потом приказала одной из девиц подняться по лестнице – это я уже поняла – и ещё что-то. А к мужчине обратилась с ехидным вопросом. На который он ответил, молча кинув женщине давешний кошель и ещё несколько монет.

Меня что, выкупили обратно?

Не вкурила...

Зачем?

Девица прибежала, стуча босыми пятками по доскам ступенек, с моим узелком из плаща, а женщина ткнула пальцем в моё платье. Мужчина, скривившись, порылся в карманах своего то ли кафтана, то ли сюртука и демонстративно положил на столик одну медную монету. Потом шагнул ко мне, и меня обдало его запахом – сырости, леса, лошади, сена. Испуганно глянула ему в глаза, а он буркнул:

– Парсын.

Взял за руку и повёл из дома на улицу.

Дождь сразу намочил мою одежду, волосы, ноги без обуви мгновенно замёрзли, но мужчина подтолкнул меня к повозке и велел:

– Гас.

Это, насколько я поняла, было приказание поторопиться. Делать было нечего, и я неуклюже забралась в сено, стараясь не светить попой из-под юбки. Вслед мне прилетело досадное цоканье языком и узелок из плаща. Зато я нашла девочку, которая, как маленькая обезьянка, протянула ручки, обхватила мой живот и прижалась всем телом, ища тепла и защиты. На худеньком личике прибавилось разводов грязи, словно она горько плакала, пока меня не было.

Внутри стало так горячо, что почти растопило сковавший сердце лёд. Почти. Зарыдать бы – в голос, закричать, чтобы упал камень с плеч, чтобы освободиться от боли и страда-

ний, но я не смогла. Только обняла малышку, укрыла от дождя, зарылась с ней в сено и закрыла глаза под мерный цокот копыт по булыжникам мостовой.

– Мариночка, это судьба. От судьбы не уйти... Понимаешь?

Я понимала. Только не понимала, за что именно мне такая судьба. И знала, что никогда не смогу понять, принять, успокоиться. Мои любимые – дочь и муж – были для меня центром вселенной, всё крутилось вокруг них. А теперь я одна, совсем одна...

Повозку снова тряхнуло, выводя меня из полусна. Я выглянула из-под сена, попыталась рассмотреть хоть что-нибудь в темноте. Ни одного фонаря, как возле публичного дома, небо затянули низкие мокрые облака, поэтому луны тоже не было. Но мы остановились у большого кряжистого строения, размеры которого оценить не представлялось возможным. Надеюсь, утром тут будет светлее...

Меня снова схватила сильная рука, которая состояла из одних туго сплетённых мышц, вытащила из сена.

Мужчина глянул на девочку, которая пригrelась у моей груди, и молча кивнул мне на дом. Сунул узел и подтолкнул к двери. Ладно, пусть молчит, пусть дёргает, главное – малышка со мной, в тепле и безопасности. Спит, глазёнки закрыла, и посасывает край покрывала во сне. Ох, нельзя к этому приучать, прикус будет неправильный...

Боже, о чём я думаю?

Дверь скрипнула, открывшись, и я на меня повеяло старым домом, холодной печью, пыльными половиками на крашенных полах. Как у бабушки в деревне... Но я не там, я здесь. Здесь не может пахнуть так же, как в моём мире.

Мужчина вынул из рукава красный шар, который на воздухе зажёгся алыми искрами и осветил комнату. В ней стояли стол с двумя стульями, узкая кровать, покрытая аляповатым покрывалом пэчворк, и огромный, просто гигантский сундук. Занавески из разноцветных полосок ткани прикрывали два входа в другие комнаты. Пахло вчерашней едой, которая наверняка где-то протухла, сыростью и псиной.

Мой спаситель уверенным жестом подвесил шар в воздухе под потолок из грубых деревянных балок и обернулся ко мне. Его глаза блеснули красным – видимо, в отблесках света, – и он приложил ладонь к своей груди:

– Аллен.

Потом указал на девочку, сопящую у меня на руках:

– Чиби.

И ткнул в меня пальцем. Как мило! Он представился! Я тоже представилась:

– Марина.

– Мааррииннаа?

Его удивлённый вид заставил меня пожать плечами и ответить:

– Совершенно необязательно удваивать все гласные и согласные в моём имени. Чем оно хуже Аллена или Чиби?

Он покрутил головой, потом махнул рукой и указал мне на кровать. Поняла, это моё спальное место. Я уложила Чиби под покрывало, и Аллен фыркнул, видимо, от моей тупости. Взял за плечо и принялся жестами объяснять что-то. Потом зарычал, видя, что я не понимаю, и потянул в другую комнату, за занавеску. Там я нашла ещё одну кровать, пошире и помягче, и совсем маленькую кроватку – для маленькой девочки, с подушечками, с вышитыми птицами на одеяльце.

Аллен указал на неё и сказал внушительно:

– Чиби.

На большую кровать:

– Аллен.

Ткнув пальцем в другую комнату, добавил:

– Маарриинна.

– А-а-а, – протянула я, – поняла. Всё поняла.

Когда малышка была переложена в свою постель, Аллен повёл меня за другую занавеску. Там оказалась кухня. Не слишком большая и, кажется, очень грязная. Поочерёдно тыкнув в очаг с котелком, в ведро, где было на доньшке воды, и в стол, хозяин сказал:

– Эрме чак арраме гауш.

– Я всё поняла, – фыркнула я. – Я тут служанка. Огонь разжечь, воды принести, завтрак приготовить. Ага.

Аллен махнул рукой и ушёл в свою комнату. А мне только и осталось, что забраться под одеяло на узкую кровать и дрожать там от холода, пока сон не сжалился надо мной.

Глава 2. Первые шаги

Рано просыпаться меня приучила бабушка. Именно там, в деревне, она безжалостно поднимала меня, сонную и тёплую, вела во двор и заставляла умываться свежей водой из колодца. Потом растирала лицо полотенцем и всегда говорила одно и то же: «А теперь посмотри, какое утро!» После таких процедур утро и правда казалось симпатичнее.

Школа и универ утвердили меня во мнении, что вставать лучше рано. Поэтому даже в выходные я была жаворонком и обязательно плескала в лицо ледяной водой перед тем, как выпить первую чашку кофе.

Но сегодня меня разбудила возня в моей кровати посреди ночи. Испуганная, открыв глаза, я сразу не поняла, где нахожусь, но красный шар, еле светивший в воздухе под балкой потолка, позволил разглядеть комнату, вспомнить мужчину по имени Аллен, который сперва нашёл меня в лесу, потом продал в бордель, а потом выкупил и привёз к себе.

А в постели у меня возилась, устраиваясь поудобнее, девочка Чибби лет четырёх от роду. Глазёнки её были закрыты, она спала. Видимо, во сне пришла ко мне в тепло. Я улыбнулась, обнимая её покрепче. Малышка смешно зачмокала губами, обхватив мою руку, как доверчивая зверюшка, и засопела, успокоившись. А я вдохнула запах её волос и прикрыла веки. С утра надо искупать девочку, пахнет она не очень...

Заснуть мне больше не удалось. В голове вертелись мысли о том, как я попала в этот мир. В том, что это другой мир, сомнений не осталось, а вот какую дверцу я открыла...

Я точно была не дома.

Я куда-то вышла.

А куда и зачем – не помню. Вспомню потом, наверное... Пока вместо воспоминаний чёрная дыра. И спать не хочется. А встать, чтобы обследовать дом, я не могу – Чиби разбуду. Поэтому я стала думать о том, что ждёт меня здесь.

Мысли путались.

Помнится, я подумала: «Ха, положено гадать! На новом месте приснись жених невесте». И после этого всё совсем смешалось в голове. Я отчего-то оказалась во дворе с маленькой Чиби, которую держала за руку. Она весело, залившись смеялась и прыгала, опираясь на мою ладонь. А когда я обернулась, то увидела большого и широкого мужчину с густой красивой бородой. Аллен стоял, прислонившись к опоре крыльца, сложив руки на груди, и улыбался мне. От уголков глаз его разбежались мелкие смешные морщинки.

Разве Аллен умеет улыбаться?

Хозяин дома согнал улыбку с лица, замахал руками, словно это были крылья, и гаркнул прямо мне в лицо:

– Кук-ка-рек-ку!

Я подскочила от неожиданности. Ох ты господи! Сон. Мне приснился сон, а петух разбудил. Сколько же времени? Когда петухи кричат? В четыре утра или в шесть?

Мне срочно понадобилось в туалет. Где в этом мире может быть отхожее место? Приоткинув одеяло, я аккуратно высвободила руку из-под головы Чибби и очень медленно встала, чтобы не разбудить девочку. Она только пожевала губами, но не проснулась. Я накрыла её одеялом, подоткнув под бочок, и сердце сжалось. Так же было с Ташей... Она прибежала ко мне по утрам из детской и сладко засыпала, а я вставала, чтобы сварить ей кашку или поджарить сырников и выжать стакан сока.

Потрясла головой, чтобы выгнать мысли о Таше.

Мне надо срочно снять это ужасное платье из борделя. Хорошо, что вчера я даже в бессознательном состоянии разложила свою одежду сушиться! Вот теперь я могу переодеться и начать исследовать дом.

Особенно кухню.

Кухня была, как и вчера, за другой занавеской, не той, где вход в комнаты. Кстати, занавески надо бы постирать, они совсем засалились. Я обескураженно оглядела маленькое закопченное помещение, в одном углу которого был открытый очаг с подвешенным над углями котелком, в другом некрашенный стол с грубо сколоченной лавкой. Везде висели букеты каких-то сухих трав, колбасы кольцами, связки грибов и плетёнки лука.

Колбаса пахла умопомрачительно.

А я со вчерашнего утра ничего не ела. Перехватила что-то в холодильнике, не помню, что именно, чтобы занять пустой

желудок, даже кофе не попила... Может, срезать одно колечко и съесть? С хлебушком... А есть ли в этом доме хлеб?

Припасы я обнаружила в сундуке, стоявшем за столом. Правда, молоко в крынке скисло. Ничего, постоит ещё немного, и можно будет блинчики сделать на кислом. В одном углу сундука лежал лёд, и я удивилась – почему не тает? Волшебный лёд какой-то... В холщовой тряпке на льду обнаружила кусок жёлтого жирного масла, в горшочке – сметану, а в промасленной бумаге – кусок мяса. Не то говядина, не то свинина, а что точно – понятия я никакого не имела.

А вот и крупа! Есть из чего кашу варить. Правда, наверное, вариться она будет долго, это же не хлопья быстрого приготовления. Ладно, раньше начну, раньше сварю! Крупа, правда, странная, ни тебе пшено, ни перловка... А, разберусь, главное – найти в чём варить и как разжечь огонь.

Мда.

Неудачный мир какой-то, несите другой! Спички? Фигушки вам. О пьезозажигалке и говорить не приходится. Чем же могли пользоваться в этом странном средневековье, чтобы поджечь дрова в очаге? Кстати, дровишек-то и нету! Я снова повернулась вокруг своей оси, выискивая взглядом поленья. Они нашлись в углу, сложенные в пирамидку и прикрытые грязной тряпкой. Так, Маринка, вспоминай свою походную молодость!

В походы меня таскал мой первый парень. Мы с ним не сошлись характерами на этой почве. Я слишком любила до-

машиний уют и наличие горячей воды в кране, чтобы с удовольствием лишиться комфорта и наслаждаться рассветными пейзажами, чистя зубы в озере. Ну не моё это!

А тут вдруг вот такой пердимонюкль... Горячая вода? Ага, детка, когда натаскаешь её и нагреешь в котле над очагом.

Разжечь огонь, разжечь огонь...

Я очень неумело, но вполне прилично сложила полешки в очаге колодцем. Ну, извиняюсь, навык ушёл, хорошо, что хоть это помню. Насовала внутрь тонких веток, которые были свалены в уголке. Кажется, мой бывший называл это хворостом. Огляделась. Солома в углу отлично подойдёт вместо бумаги. Только проблемка – чем всё же это поджечь?

Откуда-то всплыло слово «кресало».

Теоретически, это очень хорошо, но практически кресало мне вообще ни о чём не говорило. Даже в самых смелых экспериментах мой бывший не использовал этот древний девайс. Поэтому мне пришлось понадеяться на природную смекалку.

Да, а почему бы и нет?

Все же в детстве баловались таким и поджигали траву?

За неимением лупы я взяла склянку, которая, разбитая, валялась возле стола. Подумала между делом, что тут надо очистить и повыбрасывать полдома хлама. А лучше, конечно, вообще огнемётом... Но его у меня нет. Обживусь немного и погляжу, нельзя ли купить где-нибудь. Ведь хозяин станет платить мне за работу, не так ли?

Солнце только-только встало. Оно бросало свои лучи ко-со в окно, но мне и этого хватит. Я поколупала раму, чтобы понять, как она открывается, и распахнула скрипнувшее окно. Положила пучок соломы на подоконник, поймала луч в фокус стекляшки и направила, куда надо.

Не помню, как это было в походе, но солома вспыхнула так сильно, что я испугалась. Мама дорогая, сейчас подожгу здесь всё! Ведь пыль и грязь, везде какие-то тряпки! Ай! Спасайся кто может!

Первым рефлексом было отбросить горящий пучок на пол. Вторым – залить его водой, чего я, конечно, не сделала. Схватила с пола, сунула быстро под дрова и принялась раздувать, чтобы огонь не потух и перекинулся на кору. Ох, какая же я всё-таки молодец! Огонь лизал полешки с таким удовольствием, что я порадовалась за него. Сейчас можно будет сходить за водой и сварить кашку для Чиби.

И для себя.

Я голодная – мама не горюй!

Запах горящего дерева наполнил кухню. И не только запах. Я отшатнулась от очага, потому что дым, который должен был уходить в трубу дымохода, повалил прямо на меня. Что за хрень такая? Что я сделала не так?

Дым был сизым и вонял. Закашлявшись, я распахнула окно посильнее, потом попробовала заглянуть в трубу. Чуть не обожглась, да и не разглядела ничего... Ох, не молодец я, не молодец! Сейчас хату спалю к чертям!

А обернувшись, увидела, что часть подожжённой соломы, упавшей на пол, горит вместе с тряпкой, раньше бывшей рушником.

Ноги тряслись, руки не слушались. Я не могла дышать, в груди словно что-то раздулось, как будто шарик проглотила и он застрял, мешая лёгким работать. Дура, соберись! Нельзя же так! Пожарных тут не вызвать, по крайней мере, я не знаю, как это делается!

Сдавленным шёпотом выдохнула ругательство, и это помогло. Я сорвала с себя плащик и набросила на горящую тряпку, потопталась сверху. Дым всё валил, и пришлось плеснуть в дрова водой. С шипением огонь погас. А мне больше ничего не оставалось, как схватить рушник из тех, что почище, и вертеть им в воздухе, выгоняя дым в окно.

Божечки, хоть бы Аллен не узнал, хоть бы... А то ведь выгонит на улицу, а что я буду делать? Да и Чиби! Она опять будет плакать!

Нет, нет, Аллену нельзя знать о том, что я натворила...

– Парсын-ба-а-а...

Протяжный стон за спиной вогнал меня в оцепенение. Я обратилась в соляной столп с рушником в руках и мысленно пожелала провалиться на месте, сейчас же, немедленно.

Обернувшись и прижав рушник к груди, я сразу же быстро отказалась ото всего:

– Это не я, это оно само!

– Кая?

– Не знаю, кто такая Кая, но я как зажгла, а оно как задымило, и вообще оно загорелось, а я потушила, но не надо меня ругать, потому что я и так очень сильно испугалась!

Я тараторила, как сумасшедшая, чтобы не чувствовать липкого страха вдоль позвоночника. Аллен наводил на меня такой панический ужас, что я боялась просто упасть в обморок и боялась того, что могло бы случиться в этом обмороке. А мой хозяин, этот добрый человек, только смотрел на меня, поджав губы и нахмутив густые брови. На его лице я читала недовольство. Нет, не просто недовольство, а бешенство!

Аллен затыкал в очаг, в мокрые дрова, в трубу, что-то заговорил быстро и сердито. Я показала ему осколок склянки:

– Я зажгла и хотела сварить кашу!

Шлёпнув себя по лбу, Аллен зарычал. Самым натуральным образом рыкнул, как страшный медведь. Потом махнул рукой. Я поняла его жест. Мол, что делать с убогой... Ну и ладно, пусть считает меня дурочкой, только бы не прибил!

Ровно минуту хозяину дома потребовалось, чтобы разжечь очаг. Выбросив поленья, он отгрёб влажную золу в сторону и сложил новые дрова колодцем, сунул внутрь хвороста и снова вынул откуда-то красный, потрескивающий от жара шар. Подвесил его в воздухе у трубы камина, пальцем как будто отщипнул кусочек огня и отправил в самую середину поленьев. Хворост вспыхнул, весело заиграл пламенем, разгораясь, а я вздохнула.

Хорошо Аллену, у него вон какая зажигалка есть!

А что делать мне?

А мне, оказывается, следовало идти за водой. Аллен сунул мне в руки деревянную бадью и рыкнул:

– Гауш! Гас!

Гас, гас, бегу, уже бегу! Вот только куда?

Замешкавшись, я подняла с пола плащ, слегка подпаленный по краям, и, выразительно глянув на Аллена, показала на бадью, развела руками. При этом постаралась максимально точно выразить на лице недоумение. Аллен фыркнул и указал на дверь, которая стыдливо пряталась за очагом. Так-так, там ещё один выход? Интересненько!

Пожав плечами, я толкнула дверь и оказалась на крыльце внутреннего двора. Так, всё понятно. Там вход, тут двор. Спустилась по ступенькам – ровно четыре шага по потемневшим от дождей доскам. Они охладили босые ноги, и я спохватилась, что забыла надеть кроссовки. Но возвращаться? Чтобы Аллен опять рычал? Ну нет. Пробежусь быстренько до колодца, вон он стоит почти посреди двора. В конце концов, я и так уже умерла, ничего со мной не случится.

Деревянный сруб был очень похож на те, которые встречаются иногда ещё в старых деревнях. Сложенный из толстых брёвен, солидный и кряжистый, колодец оказался под стать своему хозяину. С трудом откинув тяжёлую крышку, я с опаской заглянула внутрь. Чёрная вода чуть дрожала на глубине, в нос ударил запах влаги, сырости, пропитавшегося всем этим дерева – неповторимый запах колодца.

И оттуда, как в отменном фильме ужасов, меня спросили:
– Ну что? Нашла, что искала?

Первой реакцией, конечно, было желание швырнуть в колодец бадью и убежать далеко-далеко!

Но я давно уже не боюсь ужасиков. Всё самое страшное давно случилось: Таша, муж, моя смерть. Чего бояться? Так я подумала, отгородившись ведром, и пожала плечами. Но-гам было холодно, но разве мёртвый человек может подхватить простуду?

Глубоко вдохнув, я снова наклонилась к воде и спросила на выдохе:

– Кто там есть?

Ответ не замедлил очаровать своей простотой:

– Какая разница, кто я?

– Ну, в принципе, это верно, – сказала осторожно. – А что я должна была найти?

– Это знаешь только ты, – ответил мой собеседник. Голос у него был странный. Не мужской и не женский. Такой... за-гробный.

Хотела было откреститься, что ничего не знаю, что вышла куда-то из дома в ночь, а потом чёрная дыра и мрачный лес в дожде, но закрыла рот. Я даже не помню, куда и зачем вышла. Я вообще ничего не помню, кроме острой боли в душе! Но эта боль стала моей жизнью на протяжении почти целого года, я привыкла к ней, я лелеяла её и хранила от внешних факторов.

Бадья выпала из рук и стукнулась о край колодца. Деревянный звук отрезвил меня, вернул к нереальной реальности, в которой я очутилась.

– Кто ты? – дрожащим голосом повторила свой весьма насущный вопрос и только сейчас поняла, что беседуем мы с неизвестным существом по-русски. А существо хмыкнуло:

– Ладно, если хочешь, зови меня Эло.

– А я Марина, – представилась машинально. В колодце фыркнули:

– А я знаю!

– Откуда? – удивилась я, но сзади послышался уже знакомый окрик:

– Парсын-ба! Да гауш? Гас-гас?

Чёрная вода вздохнула, и присутствие исчезло. Я ощутила это так явно, что даже птиц услышала, звуки природы и жизни вокруг. Огляделась.

Уже окончательно рассвело. День обещал быть солнечным и тёплым, хотя земля во дворе ещё не прогрелась от долгой зимы. Тут, как и у меня дома, весна. Ранняя, наверное, март. Птички перекликивались ещё несмело, ещё робко и даже вопросительно, а вот где-то в сараях, которые окружали двор, замычала корова – протяжно, зовуще. Это меня напугало.

Коров я боялась. Боялась и лошадей, и крупных собак, и даже коз. Этих животных я не понимала. Они вселяли в меня неуверенность. Как общаться с большим зверем, если не

знаешь, что он выкинет в следующий момент? Муж всегда смеялся надо мной и рассказывал про какие-то знаки тела, про поведение, про то, как можно и нужно подходить к животным, но я разве что уши не затыкала. Слушать не хотела и подходить тоже не собиралась никогда.

Не заставит же меня Аллен доить корову!

При мысли об этом я замерла, чувствуя, как всё моё тело протестует против такого обращения с хрупкими женщинами.

Я не стану доить корову! Пусть лучше меня убьёт!

Блин, меня же за водой послали...

На краю колодца стояла другая бадья, привязанная тяжёлой цепью к колесу. Я бросила бадью в воду, подёрнула за цепь и принялась крутить колесо. Руки сразу же онемели, но я не сдавалась. Меня не сломит какой-то колодец!

В котором, к тому же сидит некто по имени Эло.

Может, дух какой-то?

Достав полную бадью из колодца, я перелила воду в свою бадейку и пошла обратно к крыльцу. Аллен уже чем-то занимался там, и, подойдя, я рассмотрела, что он колол полено на щепу. Подняв голову, хозяин недовольно буркнул:

– Гауш ваха салиди.

Гауш это вода, это я уже поняла. Чего он от меня хочет, чтобы я сделала с водой? Поставила бадью на доски крыльца – демонстративно так. Добилась, чтобы Аллен посмотрел на меня, и развела руками, сказала:

– Я не понимаю!

– Парсын, – бросил он своё короткое ругательство и кивнул, вставая. Я подхватила бадью и потопала за ним в кухню. Сейчас и узнаю, что такое «ваха салиди». Оказалось, что первое слово означало действие наполнения, а второе – сосуд, который нужно было наполнить, а именно: котелок над очагом. Я наполнила. Оглядевшись, спросила:

– А что варить? Кашу?

Аллен ткнул в холщовый мешочек, завязанный шнуром, потом открыл ларь и достал кусок мяса, положил его на стол. Ага, значит, суп с крупой. Ладно, это я смогу, это я умею. Конечно, с картошкой было бы вкуснее, но картошки явно нет.

Пока вода закипала, я решила подмести пол и выбросить хлам. А то скоро Чиби проснётся, а тут бутылки разбитые валяются! Как вообще можно ребёнка растить в таком сраче? Аллен, походу, хотя дочку и любит, не заботится о ней...

Веник нашёлся в углу – маленький, как издевательство над человеком. Пришлось подметать, согнувшись в три погибели. Полы плаща подметали за веником, и я то и дело злилась, отпихивая их назад. В карманах ещё и звенело что-то, а я начинала просто беситься. На веник, на плащ, на ерунду из моей прошлой жизни, которую я забыла в плаще. В конце концов, не выдержала и принялась рыться в карманах. Ключи от дома? Выбросить в мусор. Дома у меня больше нет. Банковская карта – бесполезный кусок пластика. Паке-

тик бумажных салфеток, брелок в виде Минни Маус... Я на миг сжала его в ладони, задохнувшись от боли, и бросила на стол.

Не могу больше думать о Таше!

Но сердцу не прикажешь, не осушишь кровавые слёзы, которыми оно плачет. Надо как-то потихоньку, потихонечку...

В кармане лежало ещё что-то, и я вытащила длинную нитку, унизанную маленькими, но тяжёлыми красновато-оранжевыми бусинами. Посредине нитки бусины постепенно увеличивались в размерах, окружив большой алый камень-каплю.

Это не моё.

Я никогда не видела это ожерелье. Хотя нет, стоп.

Видела.

Просто забыла...

– *Что ты ищешь?*

– *Забвение. Смерть. Избавление от боли.*

– *Твоя дочь?*

– *Да. Она умерла, и я не могу жить без неё.*

– *Возьми это, оно тебя избавит от страданий.*

Тяжесть в руке. Машинально сжала ладонь в кулак. Ожерелье из бусин. Что может сделать украшение? Как оно меня утешит? Таши больше нет, а я продолжаю жить...

Глава 3. Страсти-мордасти

Я смяла ожерелье в руке, и бусины застучали друг о дружку со звуком маленьких камешков. Какая глупость! Оно меня избавит от страданий? Да никогда в жизни! Даже смерть не избавила меня от них, что уж говорить о какой-то бирюльке...

Детский плач из комнаты заставил меня вздрогнуть. Я замерла. Таша!

И тут же выдохнула. Чиби проснулась... Отбросив веник, быстро пошла к кровати. Малышка сидела и хныкала, тёрла кулачками глаза. Я присела рядом, обняла девочку, притянула к себе:

– Ну-ну, что за слёзки? Доброе утро, Чиби! Пойдём, я сварю тебе кашку!

Она сразу же замолчала, обвила мою шею ручками и прижалась всем телом ко мне. Тёплое нечто затопило меня с ног до головы, я вдохнула её запах, но тут же поморщилась. Когда же этого ребёнка мыли в последний раз? Решено, после завтрака нагреею воды и искупаю Чиби.

Я подхватила её на руки и понесла на кухню. Вода уже начинала закипать, но надо было уменьшить огонь. Как это сделать? И куда посадить девочку? Срач ещё не убран, я не могу пустить её босиком по полу.

– Чиби, ты посидишь на лавке, договорились?

Усадила её за стол и, показав на пол, покачала пальцем. Потом ткнула в лавку и покивала. Чиби смотрела на меня большими глазюками, потом забралась на лавку с ногами и обняла их ручками.

– Хорошая девочка, – улыбнулась я. – Ну вот, а теперь...

Я достала из ларя кувшин с молоком и обернулась в поисках посуды. На одной из грубых деревянных полок стояли в рядок кружки и стояли стопкой тарелки. Глиняные, самые простые. Я взяла одну из кружек, заглянула внутрь. Не слишком чистая. Ладно. Протёрла рушником, который казался мне не слишком грязным, и налила в неё молока, поставила перед Чиби.

– Попей немного молочка, пока каша сварится.

Хлебушка бы ещё кусочек... Но, как знать, изобрели ли тут хлеб. Ладно, утро вечера мудренее, всё узнаю. А пока – вон, вода кипит, надо сыпать крупу.

Конечно, проблемы мои никому не интересны, а для меня они пока слишком насущные. Например, сколько времени варится эта крупа, которую я никогда в жизни в глаза не видела? Или сколько её надо сыпать на... сколько литров в этом котелке? И чем отмерять? Я стояла над кипящей водой с мешочком крупы и морщила лоб в раздумьях. Потом решила: а, сгорел сарай, гори и хата, и бросила три полных горсти. Ложку бы ещё найти нормальную... А вот, висит большая деревянная, ею и буду мешать.

Кроме крупы, я бросила в котелок ещё и кусок сливочно-

го масла. Так делали в походе. Меня, правда, никогда не допускали к готовке, потому что опыта не было, но глаза не завязывали, так что я невольно видела всё. Что там готовить, каша и есть каша!

Пока она бурлила в котелке, я домела пол, собрала весь мусор в красивую инсталляцию и нашла початую буханку чёрного хлеба в чём-то вроде деревянного таза.

А потом пришёл хозяин, сел за стол и сказал на своём непонятном языке несколько слов. Я так поняла, что он хочет есть. Помешала кашу и ужаснулась.

Мать моя женщина, ну как же так?

Я всегда хорошо готовила. Всегда! Я умела из ничего сделать суп, салат и шарлотку. Могла запечь утку или фаршированного цыплёнка. Сварить кашу? Да без проблем! А тут...

В котелке был каменный монолит из разбухших и затвердевших зёрен. К тому же со дна пробивался запах горелого. Я ковырнула «кашу» ложкой и попробовала. Как и боялась – совершенно несъедобно!

Помертвела.

Оглянулась на Аллена. Он хмурился и, похоже, даже рычал тихонько. Я пробормотала:

– Простите, пожалуйста, я не знаю, как так получилось...

Хозяин вскочил, подошёл к очагу и бросил взгляд на кашу. Посмотрел на меня таким взглядом, что стало холодно и жарко одновременно. А потом разразился такой тирадой, что я сразу поняла: он меня матом кроет! И да, «парсын»,

«парсын»... Да поняла я, поняла. Я виновата! Но действительно не знаю, почему каша вышла такой странной...

Аллен рывкнул, как будто приказ отдал:

– Арра-га самман!

Тут уж и я не выдержала, крикнула:

– Откуда мне знать, что это такое?! Я не понимаю ваш дурацкий язык! Не по-ни-ма-ю!

– А-а-а! – он даже за голову схватился, и я подумала: сейчас волосы станет рвать с досады. Но нет. Подёргал только и резко вскинул одну руку, как будто собирался ударить меня. Я сжалась от страха, а внутри что-то словно оборвалось. Если вдруг... Если он сделает это, я его убью! Котелком! И сама пропаду...

Громкий плач Чиби взрезал уплотнившийся воздух кухни.

Аллен будто очнулся и опустил руку. В глазах его промелькнуло чуть ли не паническое выражение, но лишь на секунду. Потом он фыркнул и мотнул головой, направившись к ларю. А я бросилась к Чиби, которая всё ещё всхлипывала, со страхом глядя то на меня, то на отца. Обняв девочку, поцеловала её в макушку и сказала ласково:

– Всё хорошо, маленькая моя, не бойся, всё хорошо!

Аллен плюхнул на стол масло и кусок сыра, бросил нож и буркнул:

– Самман. Арра-га-быри.

Что из этого может быть словом «бутерброд»? Я вздохну-

ла, вытерла слёзы Чиби подолом своей майки и здраво рассудила, что хуже быть уже не будет. Взяла нож и принялась резать хлеб, который только мялся и крошился.

Да чтоб его черти забрали, этого Аллена! Медведь какой-то, а не мужик, да ещё и ножи у него не наточены в доме!

Показала хозяину нож и мстительно сказала по слогам:

– Нож ту-пой. Ту. Пой. Понимаешь?

Аллен долгим взглядом посмотрел мне в глаза, от чего дрожь по телу прошла и внутри стало опять жарко-холодно, а потом ответил, явно как для дурочки, тоже разделяя слоги:

– Та-ма-па-рый а-ли-фе.

И мне почему-то показалось, что это должно было означать: «Возьми и наточи сама, идиотка».

Мудак...

Я-то наточу, пусть мне даст точильный камень! Пусть покажет, расскажет, объяснит! Пусть сделает хоть что-нибудь, если понял вообще, что я не отсюда!

Быстро собрав несколько бутербродов и положив их на тарелку, я подлила Чиби молока и взяла котелок с кашей:

– Пойду выкину в мусор.

Аллен покачал головой, усаживаясь за стол, а я подумала: может, её ещё можно реабилитировать? Если бы я нашла подходящую посуду... Потушила бы мясо, разбавила бы кашу бульончиком... А что? Хорошая идея.

А пока...

Я обследую двор и постройки. Любопытно, что тут ещё

есть. Только корову не хочу видеть, гляну разве что, где она стоит, чтобы обходить коровник за километр. Но я не успела даже выйти за дверь, как Чиби, дробно стуча пяточками по полу, бросилась из-за стола ко мне, не слушая грозного окрика отца. Я подхватила её на руки и укоризненно сказала.

– Ну что же ты, ведь простудишься босиком на улице! Иди поешь, я сейчас вернусь.

Но девочка крепко-крепко обняла меня за шею ручонками, всем своим видом показывая, что ни за что не расстанется со мной. Пришлось сдаться и нести её во двор на руках.

Вокруг колодца плотной стеной стояли сараи и сараюшки. Некоторые были открыты, другие закрыты. Я увидела курятник с курочками и цыплятами, среди которых расхаживал великолепный красно-оранжевый петух с гребнем набекрень. Это он разбудил меня в несусветную рань! А по соседству как раз и обитала корова. Была она огромной, рогатой и совсем чёрной. Увидев нас с Чиби, зверюга покосилась своим круглым светлым глазом и потрясла головой, как мне показалось, угрожающе.

Я отпрянула.

Малышка протянула руку к корове, показала на неё пальцем. Я со страхом сказала ей:

– Нет, туда мы не пойдём, ни за какие сокровища. Давай-ка дальше посмотрим.

Мы обошли весь двор по периметру. В одном из сараев Аллен явно что-то мастерил – там лежали заготовки ножек

и спинки, наверное, будущие стулья, а ещё длинные и широкие изголовья. Ишь! Выходит, мой хозяин – столяр. Хорошая профессия, денежная.

– Ну вот, больше смотреть нечего, – сказала я Чиби. Она, как будто поняв, указала мне на дом. Типа я не видела дома! Но уставилась в ту сторону. А потом сообразила: те две комнаты и кухня не могут быть такими большими! Даже голову к плечу наклонила, чтобы всё хорошенько рассмотреть.

А ведь спала я в пристроечке.

В маленькой пристроечке к длинному двухэтажному домищу.

Как интересно!

А он тоже принадлежит Аллену? Или мой хозяин просто смотрит за этим хозяйством? Да без разницы вообще-то, надо зайти и глянуть. Вот и крылечко удобно расположено: почти рядом с тем, которое ведёт на закопчённую кухоньку пристройки. Только домашнее крыльцо повыше и пошире, с красивыми перилами...

Поднявшись на него, я осторожно взялась за кольцо, служившее ручкой двери. Толкнула. Не поддалось. Машинально потянула на себя, и дверь со скрипом открылась. Чиби издала радостный писк и завозилась у меня на руках.

– Ну, куда ты? Нет! Сиди спокойно!

Но девочка всё же вывернулась и, прыгнув на пол, побежала куда-то в сумрак длинного коридора. Ох нет! Да что ж такое?! То шугается и молчит, то сбегает! Вот шебутной

ребёнок!

– Чиби! Стой, вернись! Я же тебя потеряю!

И сама бросилась на звук её торопливых шагов, чувствуя, что меня ждёт ещё одна смертная казнь от Аллена.

По коридору, который тянулся на десяток метров, не меньше, я пробежала, запыхавшись, как будто спринт на километр бахнула. Но Чиби была проворнее, и схватить её мне удалось только в зале, куда мы попали так внезапно, что аж дух захватило. Или это у меня дух захватило от простяцкого великолепия большой комнаты, в которой царила загадочная атмосфера заброшенного места.

Стрельчатые окна с цветными витражами впускали мало света. Но мне удалось разглядеть и оценить поддерживающие высокий потолок кряжистые толстые пилоны, грубые балки, на которых лежали широкие доски перекрытий, такую же нехитрую и даже топорную мебель, сдвинутую в один угол. Там же, в том углу, была самая настоящая барная стойка, правда, в стиле «рустик» – сложенная из цельных брёвен, как сруб избы, а за ней – выемки в деревянной стене. Кое-где ещё сохранились пыльные, ужасно пыльные бутылки и покрытые пятнами кружки.

Ну ни дать ни взять – деревенская таверна! Или салун... Да ладно, откуда тут, в этом мире... Впрочем, молчи, Маринка. В этом мире всё возможно! Вон колодец человеческим голосом молвит...

Отвернувшись от бара, я поискала глазами Чиби. Поёжи-

лась. Всё здесь давило на меня отчего-то, пугало и толкало прочь. Но я не собиралась бежать от страха без девочки. Присмотрелась. На пыли пола ясно отпечатались следы маленьких босых ножек. Так-так! Я найду тебя, непослушница!

По следам я прошла за стойку и оказалась в другом коридоре, из которого свернула в комнату поменьше. И сразу поняла: это кухня. Старинная, корявая на мой взгляд, но кухня с самой настоящей печью, правда, не совсем русской, с очагом и вертелом для запекания, с огромной лоханью, на дне которой ещё сохранилось немного грязной воды и пара щербатых глиняных тарелок, а ещё – с плитой! Мать моя женщина, вот оно счастье! Плита с чугунными кольцами-конфорками, как у бабушки в деревне в летней кухне! Топится дровами, но жар хранит долго и можно легко регулировать огонь. Я видела, как бабушка снимает эти кольца железными щипцами, как вставляет обратно...

И Чибби выскочила откуда-то, с лукавой улыбкой протянула мне чуть подгнившее с одного бочка яблоко. Я взяла, автоматически сказала:

– Нет, это нельзя есть, я тебе обрежу испортившееся...

А потом спросила, словно очнулась:

– Где ты его нашла?

Девочка взяла меня за руку и потянула в другое помещение, которое оказалось подсобкой. И там я сказала:

– Вау.

Потому что больше ничего на ум не пришло. Или у меня

оказался настолько бедный словарный запас? Но не матом же при ребёнке!

Я была готова увидеть плесень и гниль.

Была готова созерцать испорченные запасы еды.

Даже мысль промелькнула, что в подсобке будет пусто и только несколько яблочек по полкам.

Но к тому, что я увидела, жизнь меня не готовила.

В большой комнате с каменным полом у прозрачной бадьи мыла прозрачные яблочки прозрачная толстуха в длинном платье, в переднике и с чепцом на голове. Оглянувшись, она улыбнулась мне приветливо, поправила кокетливый кружевной воротничок на платье и медленно растворилась в воздухе.

А яблоки остались.

Настоящие.

Пару секунд я смотрела на них диким взглядом, потом спросила у Чиби шёпотом:

– И что это было?

Девочка пожалала плечами и вгрызлась маленькими молочными зубками в мякоть яблока. Господи, я только что увидела призрака, а Чиби ест! Ей как будто всё равно! А может, она не видела толстуху? Я присела на корточки и взяла малышку за руки:

– Чиби, солнышко моё, ты же тут видела тётю? Тётю, которая мыла яблоки?

Девочка оглянулась на то место, где исчезла толстуха, и

кивнула. Потом показала мне обгрызенное яблоко. И ткнула им в воздух.

Ясно. Она видела. Это призрак дал ей угощение.

С ума сойти...

Нет, я не сумасшедшая! Я видела это, и Чиби видела! Жаль, что я не могу спросить у Аллена, что означает сия фигня. Разве что у духа из колодца, у Эло. Да, надо убираться отсюда побыстрее. Вдруг улыбка призрака была совсем не доброжелательная, а коварная?

Вскочив на ноги, я схватила Чиби в охапку и бросилась вон из кухни, по коридору, к двери, быстрее! Девочка ныла и рвалась вернуться, но я не слушала. Что ей там, мёдом намазано, что ли?

Отдышалась только во дворе. Оглянулась на большой дом. Всё-таки это Алленово или нет? Откуда в доме призрак? Почему всё так запущено? Может, призрак не даёт обжиться в большом доме? Но он любит Чиби, даже яблочко ей дал...

– Парсын, дарга ба тады ауш?!

Окрик хозяина заставил меня вздрогнуть и выдохнуть. Повернувшись к крыльцу, я увидела Аллена уже одетого при полном параде – как вчера вечером – и виновато сказала:

– Я Чиби ловила, она туда убежала.

И показала на большой дом. Аллен широко раскрыл глаза, и на его лице отразилось величайшее неудовольствие. Мною. Я широко развела руками. Рукой, потому что на второй руке всё ещё сидела Чиби, обнимая меня за шею.

Аллен разразился длинной тирадой на своём языке, из которой я сделала вывод, что ни мне, ни девочке не разрешается ходить в большой дом, а лучше бы я занялась своими обязанностями. И тыкнул пальцем несколько раз в сарай и в маленький дом.

– Да поняла я, поняла, – фыркнула. – И какие мои обязанности?

Весь мой вид, видимо, выражал вопрос, потому что Аллен кивком велел мне следовать за ним.

Обязанностей у меня оказалось очень много.

Вот прямо настолько много, что я не была уверена, что справлюсь с ними до конца дня. А если справлюсь, останусь в живых.

Для начала мне было велено подмести двор большой метлой, как у дворников. Ну как поручено... Аллен всучил мне метлу и неопределённо махнул рукой на двор. Я пожала плечами и пошла подметать. Чиби при этом усадила на крылечке и строго-настрого велела не двигаться никуда. Уж не знаю, понимала ли она меня каким-то чудом или просто мои жесты оказались очень выразительными, но девочка со вздохом уселась на ступеньку, сложив ручки на юбке, и прислонилась к перилам, наблюдая за мной.

А вот хозяин ушёл в дом, провозился там недолго, а потом вышел. Пока я мела солому и птичье гуано, Аллен вывел из сарая лошадь, из другого выкатил телегу, запряг, принялся грузить деревянные лавки, укладывая их тетрисом. А я

наблюдала, чтобы передохнуть. Но мне было велено продолжать – жестом и всё тем же, уже привычным «парсыном». А потом, наверное, чтобы мне жизнь сказкой не казалась, Аллен открыл двери двух маленьких сараюшек, и оттуда высыпали на свежевymетенный двор куры и утки.

Глядя на птицу, которая принялась с радостным квохтаньем и кряканьем гадить туда, где я только что убрала, ощутила себя Сизифом. Нет, я, конечно, всё понимаю, но вот так не делается...

Аллен вынес тяжёлый холщовый мешок и сбросил его у длинных деревянных кормушек. Жестом подозвал и велел что-то. Я поняла, что мне надо накормить птичек. По-хорошему, взять бы этот мешок и насыпать сразу в кормушку, но я его не подниму. А надрываться в мои планы не входило, поэтому я развязала шнурок и принялась горстями кидать зерно, похожее на пшеницу, в глубокую, грубо выдолбленную колоду.

Куры ринулись к ней, толкаясь, хлопая крыльями и гомоня, как вполосенные бабы в период скидок в магазине. А бескрылые курочки, которые были поменьше и полысее, только беспомощно пищали сзади. Мне стало их жалко, и я сыпанула горсть пшеницы на землю подальше от кормушки, позвала:

– Цыпа-цыпа-цыпа!

Цыплята не отреагировали, борясь за место у еды. Аллен посмотрел на меня, как на дебилку, повторил мой жест и ска-

зал:

– Чиби-чиби-чиби!

Птички тут же ринулись на его голос, толкаясь и клюя зерно. А я удивлённо посмотрела на девочку, которая всё так же смиренно сидела на крылечке. Спросила:

– Чиби? Серьёзно?

– Чиби, – подтвердил Аллен, кивнув на цыплят.

– Ты назвал свою дочь цыплёнком? Это такое имя? Не могу поверить своим ушам! Цыплёнок?!

Мужчина хмуро глянул на меня и отмахнулся.

А я решила с этого момента полностью его игнорировать, потому что он козёл и полный идиот. Буду заниматься хозяйством и девочкой, а этим бирюком – не буду.

Аллен взгромоздился на свою телегу и, чмокнув на лошадь, уехал. Ни до свидания не сказал, ни когда будет. Но! Игнор, Маринка. Мне наплевать. Птицу накормила, теперь надо натаскать побольше воды, нагреть, искупать Чиби, убрать и приготовить нормальный обед. Некогда страдать, надо начинать жить в новом мире.

Так я и сделала. Малышка, когда отец уехал по своим безусловно очень важным делам, встрепенулась и снова приклеилась ко мне, следуя по пятам. Так что воду мы таскали с ней вместе, и я не позвала загадочного духа из колодца, хотя и хотелось. Но не при ребёнке же!

И матом тоже не могла, а прямо тянуло! Потому что когда тащила очередную бадью, зацепилась карманом плащика и

начисто оторвала его. Бусы упали на землю. Во втором кармане давно была дырка, пришлось бусы надеть на шею – в спешке не подумала отнести их в дом. В спешке – ибо как нарочно в ворота застучала какая-то тётка. Я покачала головой. Кто-то к Аллену пришёл, а мне отдувайся? Так я и говорить на их языке не умею!

– Чиби, солнышко, сиди тут! – сказала девочке и усадила её на ступеньку крыльца, а сама пошла к тётке, громко объясняя, как для тупых: – Я не понимаю вас! Не надо говорить, я ничего не понимаю!

– Как не понимаешь? Что это ещё за выкрутасы, парсын-ба? – возмутилась та, и я даже опешила на несколько секунд. И правда, что за выкрутасы? Парсын я и так понимаю, без перевода, а на каком языке она говорит? Или на каком языке я её понимаю?

– Что случилось? – осторожно спросила я. Женщина посмотрела на меня широко открытыми глазами, в которых плескалось негодование, и ответила:

– Твой хозяин мне кровать обещал сегодня сделать! У детей свадьба, а куда они поедут в новый дом без кровати?

Глава 4. Уборка и обед

Если честно, кровать меня озадачила.

Как я и предполагала, Аллен столяр и делает мебель на заказ. Но про кровать я знать ничего не могу, потому что я тут новенькая. И даже не в доме, а в мире. Так что...

– Извините, пожалуйста, – сказала я женщине. – Я не в курсе. Мне Аллен ничего не сказал.

– Какая возмутительная халатность! – оскорбилась она. – А ну, немедленно позови его!

– Он уехал.

Я старалась сохранять спокойствие. Когда-то давно, до рождения Таши, я работала секретарём и имела дело вот с такими кликушами. Нужно быть просто слоном, чтобы не поддаваться на провокацию и не начать спорить или орать в ответ. Вдох-выдох, любезная улыбка.

– Но, когда он вернётся, я обязательно передам ему, что вы приходили и выразили недовольствие.

Тётка задыхнулась от этого своего негодования и замолчала. А я развернулась к ней спиной и пошла к дому. К Чиби.

Да, ей же надо придумать имя!

– Таша, – тихо произнесла я и испугалась. Нет! Только не Таша. Не Наташа, не Наталья! Конечно, в моём случае суеверной быть уже нет резона, но всё же. я назову девочку по-другому. Как-нибудь красиво и со значением.

Потом.

Позже.

При мысли о Таше в груди снова заныло, но я постаралась загнать воспоминания далеко и глубоко в сердце, чтобы ковырять их потом. У меня много дел. Сварить обед, вычистить кухню и комнаты, потому что в таком сроче жить нельзя, и заняться наконец Чиби.

– Эй ты! – раздалось за спиной.

У себя в прошлой жизни я ни за что не обернулась бы – я не «эй ты». А тут... Каюсь, от неожиданности! Посмотрела через плечо и поняла, что зовёт меня уже другая тётка. И не с улицы, как первая, а из-за забора. Она была толстенькой и кругленькой, как моя соседка баба Валя, а ещё какой-то уютненькой даже с первого взгляда. Даже глаза у неё блестели от любопытства, как у бабы Вали. Тётка поманила меня рукой с таким заговорщицким видом, что я подошла тут же. Думала, скажет мне что-то интересное, но нет.

– Ты, что ль, новая служанка господина Аллена?

– Я, – призналась. – А что?

– Да ничё! Прямо сочувствую тебе! Бедненькая... Худенькая какая! Нелегко тебе придётся – у него ж работы-ы-ы!

Она тянула это последнее слово и качала головой, будто знала, что я умру от истощения сегодня же вечером. Пожав плечами, ответила ей:

– Ничего, справлюсь. Спасибо за заботу.

Вот не люблю, когда меня так фальшиво жалеют...

А тётка кивнула на крыльцо, где смиренно сидела Чиби:

– Девчоночка-то у господина Аллена ущербная получилась. Намучаешься с нею, ой намучаешься!

– Мне не тяжело, я люблю детей.

Запнулась на последнем слове. Да, я любила чужих детей – обычно издалека и на полчаса, не больше. Они казались мне глупее Таши, да и вообще... Таша была моим космосом.

Я оглянулась на крыльцо. Чиби смотрела на свои ручки, сложенные на коленях, обтянутых длинной юбкой платья. Ущербная? Никакая она не ущербная. Она просто маленькая девочка, которую никто не любит.

Кроме меня.

А как же Таша? Неужели я смогу просто так заменить мою родную дочь каким-то чужим ребёнком?

Девочка подняла на меня пронзительный взгляд тёмных глаз и протянула ручки. Мол, возьми меня, пожалуйста! И я растаяла мгновенно. Мои сомнения испарились, как будто их и не было вовсе. Да, я люблю эту малышку. Уже. Полюбила сразу, как только увидела.

И сейчас торопливо подошла, взяла её на руки и прижала к себе. Нежная щёчка прилипла к моей щеке – так доверчиво, что я чуть не разревелась. Милая моя Чиби, я назову тебя Любовь. Любушка, Люба. Чтобы ты всегда знала, что я тебя люблю.

– Хочешь, я буду звать тебя Любовь? – спросила у девочки. Та оторвалась от меня, заглянула в глаза. Вопросительно.

Я пояснила: – Это потому, что я тебя люблю. И папа обязательно полюбит.

Она кивнула. Я попросила:

– Скажи: Любовь.

Чиби пошевелила губами, словно пыталась, но ничего не сказала, только молча прижалась ко мне, пряча лицо на плече. Эх, малыш, если бы я могла тебе помочь... Если бы тут были логопеды или психологи... Но тут нет даже электричества, только магическое ожерелье, которое помогло мне понимать здешних и быть ими понятой! Что уж говорить о врачах.

– Ладно, ничего страшного, – сказала я. – Пойдём-ка готовить обед. Знаешь что? Я думаю, мы возьмём все ингредиенты, котелок с кашей и займёмся готовкой в большом доме. Потому что там есть плита, а с очагом у меня совсем не сложилось.

Чиби, то есть, уже Люба, фыркнула мне в плечо, как будто ей стало очень смешно, и я обрадовалась. Она всё понимает, это уже хорошо. А то, что такой дичок – это пройдёт. Надо только время и терпение. И много-много любви и заботы.

Уж это я ей обеспечу.

Прихватив кусок мяса, лук и котелок с неполучившейся кашей, я понесла всё это и Любу в большой дом. Хорошо, что Аллен даже не помыслил запереть дверь, иначе я поцеловала бы её и обрыбилась. А так прошла по уже знакомому коридору в зал, потом за стойку и в кухню. Слава богу, при-

зраков там не было. Но и дров тоже. А где их искать? Снова идти в пристройку?

Но я решила всё же тщательнее осмотреть большой дом. Мои поиски увенчались полным и бесповоротным успехом: я нашла поленницу в одной из комнат, прилегающих к кухне. Дрова оказались вполне себе сухими, очень даже пригодными, и я смогла спокойно растопить плиту. У стены нашлись нормальные кастрюли и сковородки, я нашла щипцы, чтобы вынимать и вставлять кольца конфорок. Люба-Чиби пристроилась на одном из столов, я дала ей картофелины, чтобы поиграть, и девочка принялась ковырять картошкины глазки. Вот хозяйственная!

Ладно.

Надо будет ей сделать хоть какие-то игрушки.

А пока я обнаружила останки мутного растительного масла, которое не пахло прогорклым, плеснула его в сковородку и оставила разогреваться. Тем временем не очень острым ножом порезала мясо на мелкие бруски и бросила в сковородку. Мясо зашипело, скукоживаясь, а я принялась резать лук. Отложила его в сторону. Надо залить мясо водой и потушить, а бульоном разбавить кашу.

Обернулась к Любе. Она как раз пыталась привлечь моё внимание, махала рукой куда-то в сторону. Я посмотрела туда машинально и снова икнула.

Призрачная горничная в длинном платье, в таком же длинном белом переднике и в накрахмаленном чепце с лен-

тами и кружевными оборками стояла у стены, сложив руки на животе. Она смотрела прямо на меня, словно ожидая указаний. А я смотрела на неё, невежливо раскрыв рот.

Люба рассмеялась, показывая на неё, и я очнулась. Что за парад призраков в этом доме? Даже интересно! Нет, уже почти не страшно. Самую малость ссыкотно где-то под ложечкой, а так норм. Никто же не бросается на меня, не угрожает. Вроде бы здешние призраки – добродушный народ. Но я не люблю, когда на меня так смотрят.

Поэтому махнула на горничную рукой и сказала громко и внятно:

– Иди, занимайся своей работой!

Добавила по приколу:

– Там в зале надо убраться, а то свиарник развели!

Горничная с достоинством присела в старомодном книксене и, развернувшись, удалилась прямо сквозь стену.

А я проворчала:

– Ходют тут, понимаешь, ходют...

И подкинулась: мясо! Оно чуть было не начало пригорать. Но я успела вовремя, слава богу, и потрясла тяжёлую сковородку. Кажется, время добавить лук, а потом и воду, а ведь ещё надо найти соль... Есть в этом мире соль? Специи должны быть, а вот соли я не видела.

Здесь надо всё хорошенько обыскать. Раз уж я нашла посуду, значит, и всякие приبلуды для готовки быть должны. Просто обязаны!

Бросив лук в мясо, я налила немного воды, зачерпнув чаркой из бадьи, и спросила у Любы:

– Детка, может быть, ты знаешь, где тут соль и специи?

А потом вздохнула:

– О чём я спрашиваю... Ты, наверное, даже не в курсе, что такое специи.

Люба помотала головой и с деловитым видом сползла со стола на животе. Я удивлённо смотрела на девочку, а она прошествовала напрямик к старинному ржавому сундуку и попыталась приподнять тяжеленную крышку. Разумеется, крышка не поддалась. Я пришла ей на помощь, выслушала протестующий скрип несмазанных сундучных петель и озадаченно уставилась на сокровище, которое подкинула мне судьба.

Предыдущая повариха в этом заведении явно была женщиной аккуратной до педантичности. В сундуке, разделённые полочками и перегородками, стояли деревянные коробочки – все одинаковые, все подписанные выжженными на крышечках надписями. Что подписанные – это просто великолепно! Что я нифига не понимаю в подписях – уже хуже. То есть, читать-то я могу, но что может означать «Арбека»? Или «Пириуль»?

Понятно, у меня на несколько часов есть увлекательнейшее занятие: пробовать специи на вкус!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.